

МОВЕТОН

Острым приступом мигрени тот подземный переход,
где в пальтишке из шагрени чья-то бабушка поет:
"Слышу голос родниковый, вижу синие глаза..."
Взгляд ее к стене прикован. Повернуть бы мне назад,
закатать себя с макушкой в безразличия бетон,
чтоб незрячая старушка не сказала: "Моветон".
Голосок ее не кроткий, подбородок волевой,
но рука стыдливо дрогнет не от капли дождевой —
от прохладного металла разной ценности монет.
Словно ласки ожидала, а не денег на обед...

Играя в мечту

Терзаешь не скалы будней,
не мертвый гранитный камень —
по речке времен и судеб,
играя в мечту веками,
сплавляешь Ты жизни наши
деревьями и корнями...
Ты стал на три мира старше,
но тешишься сизарями.
Средь них — след голубки белой,
то Твой поцелуй на память.
Рисуешь зеленым мелом
траву, что покровом станет
фигуркам из мягкой глины
с Твоею мечтою — выжить...
На скулах земного Сына
смеются веснушки рыжим.
И Он на свои ладошки
чернильные ставит пятна,
не зная, что понарошку
отметил Свои стигматы...

Юг

Знойный юг по весне, как юнец в предвкушенье любви, —
Переполненный чувствами, жар излучающий робко.
Он пока еще девственник, к ночи всегда нелюдим
И грустит о пейзаже, что сник за изящной высоткой.

Исподлобья глядит на распутство весенних ветров,
С обнаженных деревьев обрывающих хлипкие ветки.
Сколько лет тебе, юг? Что ты видишь сквозь стены веков,
Если в марте по-новому жаждешь июньской отметки?

Запах жареной рыбы, смешения специй, амбре
Тел, пропитанных Солнцем и воздухом с примесью йода,
Вкус любви на губах вперемешку с густым каберне,
Танец пылких сердец под украшенным звездами сводом —

Все не раз повторится. Рождений твоих череда.
Мотыльками слетятся озябшие за зиму души.
А пока пьют покой и морскую волну берега...
Юг в преддверии лета шальными ветрами простужен.

Паяц, давно пора подняться...

Подчеркнута зеленою травой
кривая изгородь открытых ветру пальцев.
Паяц, тебе давно пора подняться,
но ты лежишь,
ладонь твоя дугой.
В глазах — река молочного тумана.
Так смотрят издыхающие псы,
не вглубь себя, на блеск живой слезы
в руке хозяина.
Затем собачий слалом
в мир без потех, без гонки за мячом...
Паяц, ты стар! Но ты не обречен
на склоне лет играть сизифов камень,
теряя нить, связующую память.

За линзами усталого ума
зрачки в сто солнц, сжигающих недуги.
Открой глаза, озябшие от буден
игры, в которой прикупом сума,
и то — на сцене.
В Закулисье — сумма
всех сил,
"на бис" стяжающих тебя.
Но ты подобен тени корабля
на глади моря девственно угрюмой.
С жестокой мерой рослого Прокруста
себе выносишь приговор:
Виновен!
В том, что твой рот помадой обезволен
во имя бутафорского искусства,
в том, что себя не поднял на дыбы...
Мал золотник отыгранной судьбы,
дороже всех билетов на премьеру
в который раз воскресшего Мольера.

